

Не за грош

«ТРЕХГРОШОВАЯ ОПЕРА» КИРИЛЛА СЕРЕБРЕННИКОВА
 в БДТ им. Товстоногова
 рассказывает РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ

СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ

СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ

СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ

СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ

ГАСТРОЛИ МХТ на сцене БДТ имени Товстоногова должны стать первым заметным событием наступающего театрального сезона. «Трехгрошовая опера» Кирилла Серебрянникова на самом деле не совсем премьера. Спектакль показывали московским зрителям еще в начале лета. Но критиков тогда попросили воздержаться не только от откликов, но и от просмотра, так что сейчас приходится ссылаться на мнение обычных зрителей. Одни из них говорят «ужас, ужас»; другие закатывают глаза: мол, гениально, и все тут. Подобный разброс мнений ничего не проясняет, но и не удивляет — про спектакли Кирилла Серебрянникова всегда так говорят. Одни их до беспамятства любят, другие с пеной у рта проклинают. Что-то в них всегда есть раздражающее, дразнящее, вызывающее. Раз «Трехгрошовая опера» вызвала аналогичный разброс мнений, значит, это типичный Серебрянников, что уже как минимум интересно.

Еще, конечно, интересный сюжет — Брехт в доме Чехова и Станиславского. Ведь когда требуется просто объяснить, что такое разница театральных систем, то принято приводить примеры Станиславского и Брехта. Первый учил актера «становиться» персонажем, влезать в его шкуру, проживать его жизнь, творить прекрасную иллюзию. Бертольт Брехт настаивал, что на героев пьес актерам нужно смотреть со стороны, «остраняться» от

СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ

БРЕХТ В ДОМЕ ЧЕХОВА И СТАНИСЛАВСКОГО — ТОЖЕ ИНТЕРЕСНЫЙ СЮЖЕТ

них, не переживать события, а анализировать их, будить в зрителях не чувства, а мысли. Кто из двух театральных титанов был прав — вопрос риторический. В конце концов, это дело вкуса. Тем более что со временем антагонизм между двумя театральными религиями практически сошел на нет, и теперь не отличить уже, «по Станиславскому» играет актер или «по Брехту». Понятно, что сегодняшний МХТ к «системе» имеет весьма опосредованное отношение. Но вывеска все равно ворожит. И одно дело, когда смешение всего и вся происходит на нейтральных территориях, и совсем другое — в цитадели.

Кстати, если наследники Станиславского защищают кумира больше на словах, то хранители Брехта — на деле. Попробуй измени одно слово в тексте пьесы или одну ноту в музыке Курта Вайля, сразу получишь грозный окрик из соответствующих немецких органов. У МХТ тоже все было очень непросто с получением разре-

шения на постановку, потому что Кирилл Серебрянников заказал новый перевод — чтобы приблизить текст к оригиналу. Как утверждает режиссер, в прежних переводах «Трехгрошовой оперы» были допущены неточности, устранение которых позволит прояснить замысел автора.

Впрочем, и без обновлений знаменитая зонг-опера Брехта-Вайля, впервые поставленная больше 80 лет назад в Берлине, продолжает оставаться современной. Можно сказать, пугающе актуальной, ведь речь там помимо прочего идет о сотрудничестве преступного мира с «органами внутренних дел». А еще о людях, лишенных выбора, о предательстве, об отчаянии и об обществе, пораженном всеобщим цинизмом и на самом деле находящемся накануне краха. Сделал ли Серебрянников упор на социальных аллюзиях, или сосредоточился на формальных изысках, или попытался, что наиболее вероятно, переплести и то и другое, станет ясно на премьере. Но уже сейчас ясно, что зрители на «Трехгрошовую оперу» повалят валом — и большинство, как бы это ни было прискорбно для театроведов, не из-за Брехта или Кирилла Серебрянникова, а из-за Константина Хабенского. Именно он сыграет в новом спектакле одну из самых соблазнительных ролей мирового репертуара — обаятельного и опасного разбойника Мекки-ножа.

БДТ им. Товстоногова, 9 и 10 сентября, 19,00